Брат Омар надавил на ручку газа. Мотоцикл подчинился и рванулся вперед, дух машины изголодался по дороге. Будучи неофитом, кожа брата Омара еще не была испещрена шрамами, и грудная пластина – вмятинами. Толстые шины несли машину скаута по узкой тропе, а его темная накидка развевалась на ветру. Омар увеличил скорость, проезжая вдоль кавалькады колонн. С появлением кровавой кометы в цертусианских облаках, мировое сообщество раскололось. Богатые и привилегированные сословия бежали. Купцы распродавали свой товар. Писцы оставляли свои мастерские, а священники бросали свои паствы. Те, у кого были хоть какие-то средства, паковали вещи и выстраивались в очередь перед Мемориальным космопортом, чтобы занять место в отсеках шатлов легких крейсеров. Все они слышали истории об уничтожении целых миров, оказавшихся на пути кометы. Их кошельки опустошались жадными капитанами транспортников, устремлявшихся к орбите системы. Чувство страха было чуждо Омару, как и всем Сдирателям. Будучи скаутом и братом десятой роты, он был достаточно молод, чтобы помнить о сомнениях и предчувствиях, возникавших в его детстве. Времена хирургических усовершенствований и изучения культа остались позади. Как и времена, когда слова матери и отца были для него законом. Времена кошмаров, когда тьма кишела опасностями. Брат Омар испытывал жалость к тем, кому пришлось остаться на планете. Словно дети, оставшиеся цертусианцы были охвачены собственной невежественностью. Их существование зависело от воли Императора, ежедневно передававшейся через уста священников и каторжный труд. Теперь у них не осталось ни того, ни другого. Новорожденные останутся без еды, а мертвецы – без погребения. Повсюду царила паника. Инфраструктура постепенно разрушалась, а страхи по поводу еды и безопасности вылились в тиранию, грабежи и убийства. Именно поэтому труп-капитан Керш отдал приказы плети отделения Кетураху и его скаутам на патрулирование местности, чтобы проверить все дороги и улочки некроплекса, местность вдоль моря, усеянную гробницами и мемориальными скульптурами, а также ближайшие сообщества. В отсутствие слова Императора труп-капитан посчитал уместным успокоить обычных имперцев примером Его творений. И в такие темные времена, вид огромного Адептус Астартес, даже скаута, отвлекал глаза и разум. Так как смертные чувствовали себя в безопасности среди полубогов.

Частично, чтобы избежать убийств, мародерства и грабежей, захлестнувших деревушки и округа, частично потому, что они не придумали ничего лучше, жители мира-кладбища конвоями перемещались к Обсеке. Стадный инстинкт заставил цертусианцев идти в столицу, и с каждый новым разветвлением дорог скауты встречали толпы людей, становящиеся все больше и длиннее. Труп-капитан приветствовал эти движения, так как в его распоряжении находилось слишком мало Сдирателей и гвардейцев, чтобы оборонять мир, который может погибнуть. Омару и его братьям было приказано патрулировать этот небольшой мир, предлагая жителям населенных пунктов двигаться в столицу. Обсека была форпостом планеты, и бойцы пятой роты Сдирателей отвечали за организацию обороны столицы. Город принимал беженцев, которых расселяли в домах тех, кто уже покинул планету, либо в шатрах лагерей, организованных на территории опустевшего Мемориального космопорта. Омару понадобилось несколько дней, чтобы добраться до уставленных могильными плитами берегов Озера Чистоты, расположенного в отдаленном уголке планеты, где он обнаружил вереницы экипажей, а не толпы пеших цертусийцев. Омар проехал рядом с повозками, где ютились церковнослужители с их семьями, гробокопатели, специалисты по выкапыванию рвов, несущие гробы и монахини, ухаживавшие за стариками, больными и детьми. Потрепанные и уставшие люди, чьи пожитки были покрыты могильной пылью, везли в телегах все свое нажитое непосильным трудом имущество. Стратегия командующего не была популярной среди братьев десятой роты. Брат Куш был временно прикомандирован к отделению Цикатрикс во время тренировки на борту «Ангелика Мортис». Там ему передались настроения первого отделения в отношении к новому командующему, и теперь он также ненавидел Керша. После его выступления, остальные

неофиты также прониклись презрением к обесчещенному Кнуту, потерявшему Стигмученника и окутанному Тьмой. Вскоре казармы скаутов превратились в некое подобие форума, где неофиты горячо обсуждали нового труп-капитана, и Омар всеми силами старался избегать подобных дискуссий. Когда плеть отделения Кетурах отдал приказ отправляться в патруль, Омар вздохнул с облегчением. Когда Кетурах покинул помещение, Куш и остальные принялись обсуждать новую стратегию Керша. Омар молча слушал гневные речи своих товарищей. Куш считал, что жалость Кершу к смертным – очередное проявление слабости труп-капитана, сочтя данный приказ колебаниями и трусостью, связанными с перспективой настоящего сражения на кордоне Ванахеймв или мире Роршах. Когда Куш и остальные братья собирались покинуть казармы, они обнаружили плеть Кетураха, стоящего в коридоре. Кетурах провел рукой по своим седым волосам и смерил неофитов пронзительным взглядом своего бионического глаза. Омар опустил глаза в пол и предпочел промолчать.

- Я знаю о противоречивых настроениях среди братьев пятой роты, - жестким тоном произнес Кетурах. – Но я не допущу разлада среди нас. Это понятно? Когда вы станете труп-капитанами, то сможете обсуждать стратегию и диспозицию. А до этого вы будете неукоснительно следовать приказам. Всем ясно? У Захарии Керша больше сломанных костей, чем у вас вместе взятых. Он пролил кровь в больших сражениях, чем любой брат из пятой роты, а его шрамы намного старше вас. Во имя Трона, он выиграл Пир Мечей и держал в руках Меч Себустуса – личное оружие примарха. Более того, он ваш командир. И мой. Проявите уважение.

- Но плеть… - начал Куш.

- Брат Куш, - спокойно произнес Кетурах, - ты сейчас же заткнешься, или я велю апотекарию зашить твой рот на время этой миссии. Мы друг друга поняли?

Куш кивнул.

- Так точно, плеть отделения.

- А пока, - начал Кетурах, - тебе запрещено надевать наплечники и перчатки. И я приказываю тебе снять рубашку и накидку. Можно оставить жилет и нагрудную пластину. Я хочу, чтобы твои братья увидели твою нетронутую боевыми шрамами кожу и, как следствие, осознали твою неспособность делать выводы, касающиеся нашего труп-капитана.

- Есть, плеть отделения.

Когда Кетурах покинул расположение отделения, Куш выполнил приказ плети. Ни одного слова не слетело с его губ. Но в этом не было необходимости. Взгляд говорил сам за себя – его глаза горели отрицанием и злобой. Впереди показалась толпа людей, что затрудняло дальнейшее продвижение Омара. Загорелся свет, и раздалось несколько отдельных криков, когда несколько цертусийцев развернулись и попытались пробиться сквозь перевшую вперед толпу. Нажав на тормоза, Омар остановил свой мотоцикл . Развернувшись, Омар повел мотоцикл вдоль узкой дороги, пролегавшей между надгробными плитами и статуями, огибая склеп, принадлежавшей какому-то Дому или семье из мира-улья. Толпа местных остановилась

у временного лагеря с импровизированными шалашами, и Омар направил мотоцикл прямиком к тележкам носильщиков гробов, проезжая несколько могильников и надгробных плит. Наконец, он достиг лачуг поселения. Они были выстроены вдоль дорожек и перекрестков некроплекса. Над ними нависал кенотаф с символикой Адептус Министорум, молитвами и хвалами, а также названием поселения: Малый Амасек. Брат Омар сразу заметил причину остановки каравана. Земля под шинами мотоцикл а была мягкой, тела и их отдельные части валялись вдоль перекрестков, в бассейнах и лужах крови. Несколько лачуг были объяты пламенем, в то время как небольшой рынок и близлежащий варочный цех только начали дымиться. Омар объехал тела. Позади кенотафа кипела резня, и снизив скорость скаут смог рассмотреть гору тел, валявшихся на другом конце селения, за памятником. Местные дрались и отрывали друг другу конечности. Остановив мотоцикл , Омар соскочил на землю. Сделав несколько хлюпающих шагов, Скаут, спрятавшись за дымкой, осторожно направился в сторону бойни. Впереди показалась фигура человека, несущегося к Малому Амасеку. Мужчина в лохмотьях. Он спотыкался о тела и падал на землю, затем снова вставал и бежал дальше.

- Что там происходит? – крикнул Омар, требуя ответа.

Мужчина не ответил. Неожиданно, он резко повернул голову и уставился на скаута Сдирателей, а затем снова побежал.

- Отвечай мне, цертусиец, - приказал Омар.

Мужчина побежал к скауту. Он был безоружен, но что-то в его поведении говорило Омару, что местный бежит не к нему, а на него. Когда мужчина подбежал ближе, скаут распознал выражение безумия на лице цертусийца. Безумная, животная ярость. Скрежеща зубами и с красными глазами на выкате, житель мира-кладбища бросился на Омара.

- Стоять! – приказал Омар, но гром его голоса не оказал никакого воздействия на безумца.

Мужчина прыгнул на скаута, словно ребенок на статую. Ботинок Омара взметнулся вверх. Кости лица цертусийца треснули, и тело отлетело назад. Врезавшись плечами в землю, мужчина покатился по ровной поверхности, пока не остановился в положении животом вниз. Омар метнулся за ним и прижал ботинком шею сумасшедшего, уперев носок в его щеку. Нос цертусийца представлял собой кровавый кратер. Скаут знал, что такой удар может лишить смертного жизни или, по крайней мере, отправить его в нокаут. Однако незнакомец был жив и теперь выплевывал остатки зубов и прикушенного языка. Что-то внутри местного не давало ему покоя, и, прежде чем скаут успел что-либо предпринять, мужчина стал царапать ногтями его ботинок, словно загнанный в угол кролик.

Брат Омар слышал истории о несчастных, заразившихся ксеноинфекциями, а также о чумных зомби, но этот смертный не проявлял ни симптомов чужеродной инфекции, ни признаков омертвения. Сердце, бившееся в его костлявой груди, разрывалось от ярости, а в венах кипела кровь, в глазах безумца читалась лишь жажда убийства. Мужчина не находился под влиянием варпа. Он сам воплощал гнев. Омар мог лишь догадываться, сыграла ли в этом роль комета Килер, окрасившая в красный небеса Цертус-минор, или нет. Подняв глаза, Омар, благодаря своему улучшенному зрению, уловил движение. В темноте показались фигуры. Орда маньяков,

волочащаяся между могильных плит, заметила Сдирателя и ринулась на него. Омар услышал нечленораздельный, гортанный рев и увидел, как из толпы отделилась первая шеренга сумасшедших. Они бросились к Сдирателю, сначала один, потом двое, затем десятки. Дорога неожиданно заполнилась бегущими безумцами, взбиравшимися на могильные плиты, статуи и крышки саркофагов. Омар поморщился. Эту проблему вряд ли можно решить словами. Слегка развернув ступню, скаут сломал смертному шею. Мужчина задергался в конвульсиях и обмяк. Убедившись, что маньяк мертв, и его не используют в качестве марионетки, Омар отступил к мотоциклу. Выхватив дробовик из чехла на мотоцикле, скаут проверил оружие. Дробовик был похож на монстра, начиная с зарубок на прикладе, мощного затвора и пугающей темноты дула. Уперев приклад в плечо, скаут нацелил оружие прямо в лица наступавшей орды. Первая жертва безумия, копатель с жесткими чертами лица, просто растворился при попадании снаряда. Но это не остановило безумную монахиню, ринувшуюся на Омара. Следующим выстрелом скаут лишил женщину обеих ног. Следовавший за ней могильщик лишился головы, дробь следующих снарядов пробила ребра еще нескольким жителям мира-кладбища. Брат Омар спокойно передергивал затвор, методично скашивая следовавшие друг за другом волны атакующих. Выпустив последний патрон, скаут наблюдал, как вторая волна отталкивает остатки первой, чтобы поскорей добраться до него. Позади Омара послышались крики. И это не была реакция на резню, увиденную участниками каравана. Тележки были атакованы. Снаряжая дробовик патронами, Омар попятился к мотоциклу. Оседлав машину, скаут повернул мотоцикл в сторону атакующих и нажал на спусковые крючки установленных на нем болт-пистолетов.

Автоматическая очередь лишила конечностей очередную волну одержимых. Несчастные падали на землю, создавая препятствия своим сотоварищам. Омар откатил мотоцикл слегка назад. Пытаясь подняться, маньяки пожирали Сдирателя безумными взглядами своих красных глаз. Скаут ответил выстрелами в головы, взрывая черепа и превращая лица в кровавые каши. Церковнослужитель в шляпе и сломанных очках вскочил на могильник, оставив позади полуголого могильщика. Нажав на спусковые крючки, Омар уничтожил обоих сокрушительной волной болтерных снарядов. Несмотря на то, что ему удалось уничтожить две первые волны, скаут обнаружил, что толпа маньяков, следовавших позади, была бесконечна. Омар поставил оружие на предохранитель и завел двигатель. Колеса мотоцикла пришли в движение, забросав нескончаемую массу людей кровавыми комками грязи. Омар направил машину к источнику криков. Поверхность под колесами мотоцикла пропиталась влагой и затрудняла движение машины, и скаут с трудом уворачивался от столкновений с лачугами и горящим рынком. Языки пламени добрались до шин, и Омар, словно всадник Апокалипсиса возник из дыма перед толпой местных жителей. Цертусийцы спасались бегством. Кто-то бросился в заброшенную деревушку, но основная масса людей карабкалась на обелиски и скульптуры, пытаясь спасти свою жизнь. Словно напуганное стадо, люди метались, пытаясь спастись от ревущей орды маньяков, карабкающихся, словно животные, по могильной архитектуре на другой стороне дороги. Несколько гробокопателей попытались защищаться, используя в качестве оружия лопаты и кирки, но были смяты волной одержимых. Бросив взгляд на несчастных с вырванными глазами и перерезанными глотками, Омар решил дать людям шанс спастись от резни. Пока те уцелевшие, которых он сопровождал, прятались за земляными насыпями, скаут воспользовался преимуществами крытого прохода. Нажав на спусковые крючки, Омар стал отстреливать маньяков, бросившихся за убегавшими местными жителями. Мотоцикл скаута рванулся вперед, разбрасывая тела и их части, оказавшиеся у него на пути. Притормозив, Омар развернулся и лишил конечностей двух одержимых. Выхватив дробовик, он стал выстрелами отбрасывать безумцев от тел копателей. Неофит не успел спасти этих несчастных, и одержимые уже спели разорвать их тела на части. Засунув дробовик обратно в чехол, Омар понесся по дороге, на ходу сшибая орду одержимых. Скаут снова активировал болт-пистолеты,

создавая огневую поддержку пытающимся спастись жителям мира-кладбища. Омар задумался было запросить подкрепление. Один из братьев должен был находиться примерно в часе езды отсюда. Скаут также обдумал возможность вызвать один из «Громовых Ястребов» пятой для огневой поддержки с воздуха и эвакуации беженцев. Но тут же отмел эти мысли в сторону. Он не будет обузой для отделения, плети и роты. Безопасность каравана целиком и полностью была его и только его ответственностью. Одержимые брали количеством, но они были смертными. И теперь все они переключились на космического десантника. Одержимый ребенок, оттолкнувшись от статуи, запрыгнул на плечи скаута и стал царапать Омара своими острыми ногтями. На какое-то мгновение Сдиратель отвлекся, пытаясь сбросить его со своей спины одной рукой. Эта возня сократила огневую поддержку ровно на половину. И хотя второй болт-пистолет все еще продолжал поливать убийственным огнем остальных одержимых, он не смог остановить каменщика, ударившего скаута лопатой по голове, и пару безумцев ринувшихся к повозке, стоявшей на пути следования мотоцикла.

Переднее колесо мотоцикла начало вилять из стороны в сторону. Брат Омар безуспешно пытался управлять машиной одной рукой, кровь от удара по голове стекала прямо на глаза скаута, ухудшая видимость, в результате чего Омар въехал в могильник. Мотоцикл пробил две плиты и, на полной скорости, врезался в монумент. Скаут вылетел из седла и перелетел через каменную архитектуру. Перевернувшись в воздухе, Омар упал, задев затылком могильную плиту. Неофит покатился по земле, пока не врезался в статую святого. Раздался хруст костей, и брат Омар на мгновение застыл, его голова и плечи уперлись в землю, а ноги и спина – в край постамента.

Через несколько секунд скаут пришел в себя. Неподалеку валялось тело одержимой девочки. Она не пережила падение. Фигуры одержимых приближались к Омару. Жаждущие крови безумцы предвкушали резню. В течение нескольких секунд на Сдирателя обрушился град ударов кулагами, ногами и ногтями. Орда, словно стая хищных рыб или группа рептилий, всем весом тел навалилась на брата Омара.

Избиение не прекращалось. Перекатившись и упершись ногами в землю, Омар стал раскидывать одержимых в стороны. Маньяки поднимались с пропитанной кровью земли и снова нападали на Сдирателя. Сбросив со своего плеча обмотанного в лохмотья привратника, Омар выхватил из-за пояса болт-пистолет. Переведя оружие в режим одиночной стрельбы, скаут стал посылать болты прямо в головы одержимых, превращая их в кровавую массу. Омар стал кружиться, отстреливая наседавшую на него толпу. Скаут снес челюсть пытавшемуся напасть справа хористу, и, развернувшись, схватил привратника, попытавшегося укусить Сдирателя своими гнилыми зубами. Уперев пистолет в живот несчастного, скаут прошил нападавшего насквозь, используя последний патрон.

Обойма опустела, но это позволило Омару выиграть несколько мгновений. Скаут услышал крики умирающих, раздававшиеся вдалеке. Крики о помощи издавали несчастные, избежавшие столкновения с толпой одержимых, которые атаковали Омара, только чтобы натолкнуться на еще одну группу маньяков. Скаут не мог даже представить, сколько еще групп несчастных попались в кровавую ловушку Малого Амасека. Одержимые были повсюду, и сзади и спереди. Маньяки с могильников и перекрестков теперь сосредоточились только на нем. Все, что беспокоило скаута в настоящий момент, были окрашенные кровью зубы, кулаки и ноги одержимых. Безумные жители умудрялись нападать даже сверху, отчаянно желавшие разорвать скаута, они карабкались по спинам своих товарищей, чтобы добраться до Сдирателя.

Благодаря своему росту, Омар смог разглядеть нескончаемое море одержимых. Сдиратель был зол на себя. За то, что он недооценил количество смертных. У него не было времени на перезарядку пистолета, к тому же ему нужно было оружие, которое он мог бы использовать постоянно, не полагаясь на боезапас. Брат Омар достал из ножен боевой нож. Неофиты упражнялись во владении гладиусом, но им было запрещено носить это оружие до инициации в ряды Адептус Астартес. Тем не менее, острый клинок, крестовина, длина и форма боевого ножа, делала «единственного друга скаута», как выражался плеть отделения Кетурах, достаточно смертоносным оружием. Брат Омар рубил и кромсал стену плоти. Он отрубал головы и отделял руки от плоти, разрубал лопаты и дубинки надвое, колол, резал и снова рубил, пытаясь пробиться сквозь толпу одержимых. Его накидка стала тяжелой, пропитавшись огромным количеством крови, а отполированный жилет скаута стал багрово-красным. Вытирая кровь, все, что он мог видеть – были лица, искаженные яростью, и глаза, горящие жаждой убийства. Неожиданно нож Омара врезался во что-то твердое. Что-то, что не сломалось при ударе. Скаут собрал все свои силы и вложил их в удар. Боевой нож вошел в угловую плиту склепа, украшенного статуей горгульи, и в тени которого проходила бойня. Окруженный со всех сторон, неофит попытался выбить нож ударом кисти, но безуспешно. Тогда Омар схватился за рукоять обеими руками. Камень отказывался отпускать нож, а одержимые уже были рядом. Зубы впились в его жилет и плоть руки, спина Омара оказалась открытой. Вскоре, скаут почувствовал вес одержимых, подняв голову, он увидел фигуры на крыше склепа, готовящиеся присоединиться к своим собратьям.

Отпустив нож, Омар принялся раскидывать маньяков в стороны. Он крушил кулаками их черепа и отрывал конечности. Спотыкаясь и покачиваясь под весом навалившихся одержимых, вонзающих в его плоть зубы и ногти, скаут начал прогибаться к земле. Один из одержимых вонзил зубы в ухо Омара и откусил его. Сдиратель схватил нападавшего за голову и стал впечатывать ее в стену склепа, череп одержимого треснул и залил стену кровью и внутренностями. Маньяки нападали на Омара со всех сторон, каждому хотелось испробовать крови Адептус Астартес. Неожиданно, Омар потерял равновесие, и земля ушла у него из-под ног. Рухнув, придавленный сотней тел одержимых, неофит осознал, что лежит в яме. В свежевырытой могиле. Достаточно обыденная картина на мире-кладбище. Повсюду были только зубы, ногти, залитые кровью лица и руки, сжимавшие его шею и пытавшиеся сорвать жилет. Брат Омар, скаут и Сдиратель, осознал свою дальнейшую судьбу. Быть погребенным под морем живой плоти, царапающей и колотившей его руками и ногами, и умереть от потери крови.

http://tl.rulate.ru/book/30591/667750